

ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА В КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ РУССКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

FEATURES OF UNDERSTANDING THE HUMAN PROBLEM IN THE CONSERVATIVE PARADIGM OF RUSSIAN SOCIAL PHILOSOPHY

N. Chestneyshyn

Summary. The article reveals the peculiarities of understanding of economic, social, legal, political and spiritual-moral aspects of human being in the conservative paradigm of Russian social philosophy. The author believes that the common feature characteristic of Russian conservatism is the understanding of man as an individual form of existence of socio-cultural tradition. This approach was formed under the influence of Christian anthropology and Western European socio-political and philosophical thought of XVIII–XIX centuries..

Keywords: conservatism, anthropology, individual, personality, inequality, rights, duties, freedom, state.

Честнейшин Николай Васильевич

К. ф. н., Гуманитарный институт филиал Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова в г. Северодвинске
hobson@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности осмысления экономических, социальных, правовых, политических и духовно-нравственных аспектов человеческого бытия в консервативной парадигме русской социальной философии. Автор полагает, что общей чертой, характерной для русского консерватизма является понимание человека как индивидуальной формы бытия социокультурной традиции. Такой подход сформировался под влиянием христианской антропологии и западноевропейской общественно-политической и философской мысли XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: консерватизм, антропология, индивид, личность, неравенство, права, обязанности, свобода, государство.

В развитии отечественной социально-философской мысли достаточно отчетливо прослеживаются три основные парадигмы — либеральная, радикальная и консервативная. Русский консерватизм на протяжении нескольких десятилетий остается в центре внимания как научного сообщества, так и политических деятелей. И хотя за последнее время появилось немало работ, посвященных анализу русского и зарубежного консерватизма, антропологические аспекты этого направления философской мысли еще недостаточно изучены. А ведь именно вопрос о природе и сущности человека, его предназначении и связи с социальным целым является центральным пунктом спора между консерватизмом, либерализмом и радикализмом.

Фундаментом русской философской и политической мысли, особенно на первых этапах ее развития, являлось православие, и, прежде всего, это касается консерватизма, поскольку он всегда был ориентирован на православные ценности и традиции русской религиозной мысли.

Консерватизму свойственно христианское понимание человека как существа грешного и тем самым несовершенного, нуждающегося во внешней опеке. Большинство отечественных консерваторов, обращаясь к проблеме человека, опирались на христианскую ан-

тропологию, которая в качестве онтологической основы человека полагает триединство *тела, души и духа*. Человек тем самым соединяет в себе два противоположных начала — материальное и духовное, связующим звеном которых является душевный мир человека. Это накладывает отпечаток и на понимание гносеологических характеристик человека, ими, как правило, выступают *чувство, разум и вера*, единство которых нередко отождествляется с «сердцем», как средоточием человеческого существа. В связи с этим философия русского консерватизма нередко носит антирационалистический характер. Скептическое отношение к претензии разума на целостное познание мира вытекает из признания греховности человека. Консерваторы видят в нем недостаточно сил для познания истины, поэтому законы мира объявляются непостижимыми в своей полноте, поэтому человек, мир и Бог преподносятся как тайна. Признание невозможности достижения абсолютного знания приводит консерваторов к отрицанию возможности переустройства общества на основе той или иной теоретической модели ввиду того, что человек оказывается неспособным на тотальное предвидение и знание законов социального развития.

В социально-философском плане такое понимание онтологических и гносеологических основ человека приводит к представлению о детерминированности че-

ловека природно-географической средой, социально-экономическими, политико-правовыми и духовно-нравственными традициями общества.

Природно-географическая среда рассматривается многими отечественными консерваторами, начиная от Екатерины II и вплоть до евразийцев, как один из доминирующих факторов, обуславливающих специфику индивидуального и общественного бытия. В этом плане проявляется уже не столько следование религиозной христианской традиции, сколько новоевропейской философии, и, в частности, философии Ш.Л. Монтескье. Следует отметить, что западная философия, а главным образом философия Просвещения, романтизма и немецкая классическая философия сыграли значительную роль в формировании русского консерватизма. Но восприимчивость к достижениям западной философской культуры ничуть не умаляет оригинальность отечественных консерваторов, наоборот, чужие идеи, будь то либеральные или консервативные, на русской почве нередко приобретали свои специфические черты.

Относительно экономических аспектов человеческого бытия, русские консерваторы в качестве основных параметров выделяют представления о труде, собственности и богатстве. Труд выступает как одна из главных обязанностей человека, основной путь для достижения достойной жизни, трудовая деятельность видится возможной только в сообществе, потому что одинокому человеку крайне трудно обеспечить свою жизнь, и поэтому необходимо разделение труда. Труд, кроме того, понимается не только как способ приобретения материальных благ, но и как средство духовного совершенствования, преодоление греховной природы человека и его слабости. Как отмечал И.А. Ильин «...хозяйственный труд имеет не просто телесно-мускульную природу и не только душевное измерение, но и духовный корень» [3, 280].

Понимание природы и социальной значимости частной собственности в русском консерватизме имело значительные отличия от либерализма и социализма. Если в либерализме частная собственность рассматривается как главное условие реализации прав и свободы человека, а в социалистических учениях как главный источник социальной несправедливости, то в консерватизме частная собственность сама по себе не является ценностью или антиценностью. И.А. Ильин указывал на то, что главным является не собственность человека, а его «сердце и воля», то есть то, что проистекает из внутреннего мира человека. Тем самым в таком философском вопросе, как соотношение внутренней и внешней сторон деятельности человека, русские консерваторы отдают предпочтение «внутренней» стороне. Так, по И.В. Киреевскому, «западный человек искал развитием внешних

средств облегчить тяжесть внутренних недостатков, а русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями, избегнуть тяжести внешних нужд» [6, 232]. Но, тем не менее, необходимость частной собственности отнюдь не отрицалась в русском консерватизме, поскольку она «...соответствует тому индивидуальному способу бытия, который дан человеку от природы» [3, 282]. Из данного понимания собственности проистекает и своеобразие отношения к богатству. Оно также не является самодовлеющей ценностью, но может приобретать характер ценности «лишь как средство служения Добру, общему благу, государству и народу» [1, 105].

Связь человека с социальным целым, будь то семья, народ или государство, имеет, согласно большинству консервативных мыслителей, органический характер. Органическое понимание общества выводит отечественных консерваторов к разрешению дихотомии «коллективизм — индивидуализм». А.С. Хомяков вводит понятие соборности, которое являлось основополагающим понятием для осмысления сущности социальной и духовной связи человека и общества у многих русских консерваторов. Человек представляется им как социальное существо, поскольку именно общество «составляет орудие выработки личности, ... без него человек не мог бы быть человеком» [12, 61–62]. Тем самым, общество не является препятствием для осуществления свободы и индивидуальности человека, а наоборот, способствует этому. По мнению Л.П. Карсавина, индивидуальность человека состоит в специфическом выражении целого, тем самым, от того, чем богаче содержание целого, зависит и полнота индивидуального существования, и, в то же время, целое, по его мнению, может осуществлять себя только через индивидов. Таким образом, «соборное не отрицает и не ограничивает индивидуального, ... для бытия соборного целого необходимо как выражение его множества, ... так и выражение его единства, то есть взаимная согласованность индивидов» [3, 370].

Консервативная критика индивидуализма и коллективизма, и соответственно либерализма и социализма, во многом основывается на специфическом понимании свободы человека, которое состоит в разделении ее на две формы проявления — внутреннюю и внешнюю. Внешняя свобода понимается как свобода воли, умение противостоять внешнему давлению, а внутренняя как свобода духа. Свобода человека, с точки зрения консерваторов, не абсолютна, а относительна и зависит от конкретных обстоятельств, имеет «свою меру, свой объем и свои сроки» [3, 161]. Кроме того, полная индивидуальная свобода от общества признается невозможной, так как свобода человека может быть реализована только в обществе, совместно с другими людьми. «Отдельная

личность, писал А.С. Хомяков, есть совершенное бессилие и внутренний, непримиримый разлад» [12, 161]. Поэтому, согласно такой позиции, человек, оторванный от общества, не может сохранить свою целостность, а свобода частичная, по сути, уже не является свободой.

В связи с этим человек в консервативном мировоззрении не мыслится вне традиции. И тем самым подчеркивается зависимость человека от конкретного типа общества. Как отмечал Ж. де Местр, нигде в мире «... нет общечеловека. В своей жизни мне довелось видеть Французов, Итальянцев, Русских, ...но касательно общечеловека я заявляю, что не встречал такового в своей жизни» [7, 144]. Эта идея французского мыслителя разделялась и большинством русских консерваторов, для этого достаточно вспомнить Н.М. Карамзина, славянофилов, К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского и многих других. Человек в консерватизме — это лик общества, в котором он живет. Признание социокультурной обусловленности человека позволяет консерваторам говорить о необходимости поддержания исторической преемственности как важнейшего условия воспитания человека в духе любви к своей нации и родине. Отсюда, как указывает В.А. Гусев, проистекает и свойственный консерватизму «культ церкви, семьи, школы, армии», поскольку «они служат непосредственными воспитателями человека и проводниками традиции» [1, 264].

Подчеркивая органическую связь человека и общества, консерваторы отрицают возможность равенства людей в обществе и говорят о необходимости иерархического социального порядка. Согласно К.Н. Леонтьеву, равенство — признак социального упадка, ведущего к нивелировке всех индивидуальных качеств личности. Он указывал на то, что в буржуазном обществе идеалом становится мещанин, средний человек, а не личность, обладающая превосходными качествами. По И.А. Ильину «...люди не равны и перед лицом Божиим и от природы разнокачественны и потому, естественно должны быть не равны в своих правах» [2, 483]. В этом отчетливо выражается общая идея консерваторов, что «различия между людьми более важны, чем сходства» [8, 71].

Поскольку консерваторы отказывались видеть в индивиду «человека вообще», то он по одной лишь принадлежности к «человечеству» не может быть наделен и «правами человека». В консервативном правопонимании, «субъект права — не абстрактное физическое лицо, но человек с вполне определенной национальной и корпоративной принадлежностью» [5, 130]. Затрагивая вопрос о соотношении прав и обязанностей, русские консерваторы отдавали предпочтение последним, они соглашались признать какое-либо личное право, только при условии возложения на субъекта этого права соответствующей обязанности. Как писал Л.А. Тихомиров,

«сознание права повсюду вытекает из сознания обязанности долга» [11, 578], поэтому личности следует дать лишь те права, которые нужны для исполнения долга. В учении о правосознании И.А. Ильина также отмечается, что поскольку человек есть существо общественное, то право не только предоставляет полномочие, но и связывает индивида. Человек, способный сознавать только свои права, еще не является полноценным субъектом права, так как «правосознание не сводится к тому, что человек «сознает» свои права, ... разумея свои права, человек призван разуметь и свои обязанности» [2, 446].

Культ традиции и ранга, признание необходимости социальной иерархии в консерватизме сочетается с идеей авторитета. Подчинение слабого сильному, ученика учителю, сына отцу, подданного правителю имеет, согласно консерваторам, психологическую и духовную основу. То есть, в самой душе человека заложено «искажение власти над собой» [11, 28], и, кроме того, стремление к духовному, нравственному совершенствованию приводит человека, как они полагают, к добровольному подчинению «источнику правды». Общественный порядок основывается, с консервативных позиций, на власти и авторитете, любое общественное объединение имеет некий авторитет: духовный — в Церкви, природный — в семье, силовой — в государстве. «Но задача этого авторитета, — согласно И.А. Ильину, — состоит не в том; чтобы подавлять духовную самостоятельность человеческой личности, но в том, чтобы строить на ней внешний порядок и общую жизнь организации» [3, 67]. Таким образом, отрицается противоречие между свободой и необходимостью подчинения авторитету, поскольку такое подчинение есть основа для совершенствования человеческой личности, следовательно, и реализации ее свободы как духовно-нравственного существа.

Общество и государство считаются консерваторами естественным продолжением человеческой личности, как утверждение себя в другом. Поэтому государство оказывается у них не внешним, искусственно созданным учреждением, а внутренним творением душевно-духовных сил человека. Более того, в некоторых концепциях государство отождествлялось с личностью. Так по Л.П. Карсавину, государство не простая сумма индивидов, сословий, классов и т.д., а их «организованное и согласованное, иерархическое единство... симфоническая личность» [4, 369]. Консервативная «индивидуализация» государства обуславливала и выбор консерваторами соответствующей формы правления, так как, если государство — личность, то управлять им должна личность. Таким образом, монарх являл собой не только символ единства верховной власти, но и символ личностного и божественного начала власти. Поэтому «русские охранители видели в монархе воплощение

личности государства» [9, 160]. Отсюда и идея служения подданных монарху, как служения государству, причем это служение оказывается и средством собственной самореализации индивида, поскольку, согласно Тихомирову, «государство... имеет смысл только как среда развития и жизни личности» [11, 565].

Но государство, общество не являются последней сферой осуществления человека как личности. Тот же Тихомиров писал, что «выработка развитой психически, душевно, личности составляет задачу жизни социальной, но выработка личности с характером духовного существа — требует нового строя, ... церковного, ... где организующей личностью является Божество» [10, 68]. В духовной сфере, тем самым, высшим ориентиром и авторитетом для человека, абсолютной ценностью является Бог. Общественный идеал консерваторов связывался с церковью, еще славянофилы видели миссию России в переустройстве жизни на подлинно христианских началах свободного единения на принципах любви, правды и добра. И выдвинутый Хомяковым принцип соборности, прежде всего, нераздельно связан с жизнью Православной Церкви, как Богочеловеческого организма. В соборном единстве членов церкви, как полагал Хомяков, преодолевается эмпирическая противоположность индивидуальной свободы и единства всех. Любовь к Богу объявляется той основой, на которой преодолевается эгоизм и разобщенность людей.

И. А. Ильин, как и А. С. Хомяков, основными атрибутами духа считал *веру, любовь, свободу*, добавляя к ним *совесть*. Все эти атрибута в его концепции образуют органическое единство: *любовь* осуществляется только через *свободу*, смысл *свободы* заклю-

чатся в добровольной *вере и любви*, а *совесть* есть основа внутреннего самоосвобождения, направляющая к нравственному совершенству. Отсутствие любой из этих составляющих обесмысливает назначение остальных. Главная цель всех четырех атрибутов состоит в постижении божественной сути, они обеспечивают личную форму соединения с Богом, в котором индивидуальность человека не исчезает, а наоборот сохраняет свою неповторимость. Благодаря *вере, любви, свободе и совести*, человек обретает зрелый характер, выражающийся в цельности и непротиворечивости с самим собой и внешним миром. Таким образом, в силу своей универсальности, эти атрибуты, по Ильину, имеют значение и в социально-политической сфере, в форме *патриотизма* (любовь к родине), *национализма* (любовь к народу) и правосознания, источниками которого являются религиозная *вера и совесть*. Наконец, свобода объявляется целью социально-политического развития. Политическая свобода определяется Ильиным через понятие «лояльность» т.е. добровольное признание авторитета власти и закона в качестве собственного, личного ценностного критерия.

Таким образом, в консервативном мировоззрении ценности духовно-нравственного порядка обладают общезначимым характером в любой сфере деятельности человека, в том числе в социально-экономической и политико-правовой. Несмотря на все различия во взглядах тех или иных представителей русского консерватизма, у них можно найти общие особенности, свойственные консервативному стилю мышления. И в отношении проблемы человека у всех русских консерваторов обнаруживается единый стержень, которым является христианская антропология.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев В. А. Русская форма политической идеологии консерватизма. Дисс. на соиск. уч. ст. д. полит. наук. М., 1998. 295 с.
2. Ильин И. А. О монархии и республике // Собр. соч.: В 10 тт. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 415–545.
3. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 39–285.
4. Карсавин Л. П. Основы политики // Основы Евразийства. М.: Артогея-Центр, 2002. С. 367–411.
5. Карцов А. С. Правовая идеология русского консерватизма. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999. — 223 с.
6. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И. В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. С. 238–272.
7. Местр Ж. де. О порождении политических конституций // Полис. 1997. № 2. С. 141–147.
8. Мусихин Г. И. Консерватизм в поисках идентичности: от либертарианства к постмодернизму? // Исторические исследования: журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 2016. № 5. С. 70–77.
9. Мусихин Г. И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб.: Алетейя, 2002. — 256 с.
10. Тихомиров Л. А. Личность, общество и Церковь // Тихомиров Л. А. Христианство и политика. М., Калуга: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 2002. С. 50–84.
11. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. 672 с.
12. Хомяков А. С. По поводу Гумбольдта // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. М.: Тип. тов-ва И. Н. Кушнерев и К, 1911. С. 143–173.

© Честнейшин Николай Васильевич (hobson@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»